

КАК ШОЛОХОВ
ХРУЩЕВА «ОБИДЕЛ»

24 мая «вешенскому сидельцу» исполнилось бы 100 лет. Автора «Тихого Дона» представлять не надо - лауреат Нобелевской премии в области литературы. В исследовательской книге К. Приемы «Тихий Дон» сражается», за которую ученый совет МГУ сразу наградила автора степенью доктора наук, рассказывается, как победоносно Григорий Мелехов проскакал почти по всей планете. И каким провидцем оказался писатель А.С. Серафимович, когда в журнале «Октябрь» показал гостям - Анри Барбюсу и Мартину Андерсену Нексе - папку с рукописью и сказал: «Запомните название будущей книги - «Тихий Дон». И автора запомните - Михаил Шолохов. Вскоре это имя узнает вся Россия, да и весь мир».

Первая книга романа-эпопеи о казачьей жизни вышла в журнале «Октябрь», когда его автору исполнилось 23 года... С тех пор его жизнь и творчество обросли многими легендами, былями и небывальцами. Как собору «Комсомолки» по Дону мне довелось несколько раз бывать в Вешенской, встречаться с писателем. Об одной были и хочу рассказать.

Начиналась его биография, можно сказать, в Москве. Приехал в Белокаменную казачий парнишка, за спиной несколько (книжечка) «Донских рассказов» - вот и весь литературный багаж. Не считая черновой рукописи первой книги «Тихого Дона». Туда-сюда - чужой всем. Нанялся мостить Столешников переулочек. Потом на Красной Пресне счетоводом в жилищо-варишество устроился. Счастливым случай свел его с Серафимовичем. Но Москву полюбил. Уже в пору известности получил квартиру на Сивцевом Вражке, куда часто приезжал.

В конце 50-х годов вся страна пестрела лозунгами: «Догоним и перегоним Америку!» Осенью 1959 года Ни-

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕНА

кита Сергеевич Хрущев с большой свитой собрался посетить Новый Свет, чтобы лично бросить перчатку Америке. А накануне отъезда неожиданно нагрянул из Крыма, где отдыхал, в станицу Вешенская.

...Невысокотелый пузатенький Хрущев в вышитой украинской сорочке и соломенной шляпе бодро вышагивал по станичным улицам, заговаривал со встречными. Посидел в Доме культуры, где самодельных артистов срочно обрядили в полную казачью форму. Никита Сергеевич был слегка навеселе, потому, видно, прослезился от напевных степных песен. Ну а в старом деревянном доме Шолохова днем вал и ночевал. Фотографировался с внуком писателя. На катере катался по Дону. А уж хозяйина хвалил!

Улыбался в усы Михаил Александрович: неспроста все это! Так и вышло. Высокий гость пожелал выступить на митинге. Говорил без бумажки, но трафаретно: о великих стройках, о героях труда и процветании народа. А в заключение сообщил: еду, мол, повидать Америку и приглашаю с собой вашего земляка Шолохова.

Американцев «наш Никита Сергеевич», как писали советские газеты, покорила неумолимой энергией и любознательностью. Подсчитали, что за 13 дней в США он выступил с речами и на пресс-конференциях 30 раз! А Шолохова взял с собой на завтрак в Голливуд, тост за писателя провозгласил.

Отдадка столь щедрого внимания открылась по дороге домой.

Домой, рассказывает Шолохов, возвращались самолетом. И в салоне после традиционной чарки за «отъезд на родину» главный редактор «Известий», он же зять Никиты Сергеевича, дружески обняв Шолохова, попросил: - Михаил Александрович, мы тут будем «экспрессом» книгу о пребывании Никиты Сергеевича в Америке выпускать - вы уж поучаствуйте.

Шолохов заинтересовался, в чем должно проявляться его участие. - Да ни в чем, Михаил Александрович! Все на пленки магнитофонные записано, а вы - свидетель. Подпись только поставите...

Я не министр финансов, чтобы подписи ставить, - усмехнулся Шолохов. - Записей я не вел, так что уж вы как-нибудь сами справитесь...

Адзубей не отступал. Если, мол, надо, то на колени стану.

Ну, Алексей, ты уж того...

Так и не согласился.

Но книжка вышла - большая, в суперобложке, со многими фотографиями. Неоднократно переиздавалась. Все 12 авторов стали лауреатами Ленинской премии.

...Однажды главный редактор «Комсомолки» Борис Панкин дал мне задание: «Завтра тебе передадут брошюру, которую выпустили китайцы, где «размазан» рассказ Шолохова «Судьба человека». Пусть он выскажется по этому поводу. И хорошо бы, чтобы дал оценку движению хунвейбинов». Приехал я вечером в Вешенскую, через помощника передал брошюру.

Шолохов встретил меня утром в своем рабочем кабинете на втором этаже, был он в белой рубашке, лицом строг, неулыбчив.

- Расстроил ты меня этой книжонкой, - сказал писатель. - Не ожидал. Соколова за предателя выдают, считают, что ему надо было голову сложить... Теоретики марксизма! Борису привез передай, а писать ничего не буду.

У Шолохова с «Комсомолкой» были свои отношения - рождались они в один день, 24 мая. Только Михаил Александрович на двадцать лет старше. Но жило в нем теплое чувство к газете, всегда присылал поздравительные телеграммы. Я с молодой горячностью начал было уговаривать Шолохова: дескать, надо же дать отпор зловредным хунвейбинам. Михаил Александрович закурил и ответил так:

- Это все газеты пишут, а сам я не знаю, что там происходит. Мне говорили, что идет борьба с бюрократией. Жестокая, азиатская. Не хочу, чтобы на мою могилу потом камни бросали.

Тогда же я не выдержал, спросил: - Михаил Александрович, а почему в книге «Лицом к лицу с Америкой» вашей подписи нет?

- Разве за две недели страну узнаешь, да еще такую, как Америка? - сказал Шолохов. - Нет, я к такому творчеству не привык. Да им мое мнение и не нужно было, только подпись...

Позже я узнал, что к нему приезжал эмиссар из ЦК КПСС, просил хоть абзац в книгу вставить. Шолохов отказался.

Георгий ЯКОВЛЕВ

Признаюсь, ехал я в Вешенскую не без тревоги, какого-то непреодолимого беспокойства на душе. Стоял декабрь 1987 года. Ехал по заданию одной газеты: задумали тогда в редакции создать что-то вроде антологии о женах известных писателей, ученых и т.д. Марию Петровну я не знал. Видеть - видеть, когда бывал у Шолохова, а поговорить не удалось. Думал: как живет она на склоне лет после смерти мужа, каково самочувствие? Сколько прожило и пережилось! Не только радости, но и горе, и беды обрушились на Шолоховых из внешнего мира, как град, вихри и смерчи на живую природу. А потом - преклонные годы, болезни, вызовы врачей чуть ли не каждый день. Могила любимого человека не на кладбище, а в десятке метров от дома, в саду, можно сказать, под окнами.

Шолохов просил, чтобы его схоронили на берегу Дона. Понятная, вполне объяснимая

«Молодой гвардией», Шолохова вызвали в ЦК ВКП(б), к секретарю ЦК Андрею Александровичу Жданову. Разговор был недолгим и закончился благоприятно для Шолохова, о чем он, хитрово прищурившись, поблескивая синевой глаз, рассказывал с большой охотой и Фадееву, и многим другим литераторам.

Жданов сказал примерно так:

- Михаил Александрович, у нас к вам серьезная просьба. Фадеев пишет роман о Краснодаре. Судя по всему, работает с большим настроением. Так вот. Не могли бы вы, хотя ненадолго, возглавить писательский союз?

Человек не робкого десятка, Шолохов, как он говорил, растерялся, но лишь на один миг. Его выручил природный дар - юмор. Он сказал:

- Андрей Александрович, за предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа отходит поезд на Ростов, и я уже взял билет.

ВСТРЕЧА В ВЕШЕНСКОЙ

Еще не грянула война. Михаил Александрович и Мария Петровна с детьми Сашей, Мишей, Машей и Светланой. Вешенская, 1940 год.

просьба. Но почему именно у дома, при живой вдове?..

Они познакомились в двадцать первом году. Давно. А для нее как будто вчера.

Мы начали разговор с любимой темы женщин-матерей - с детей и внуков. Заметил, что она называет детей так, словно они еще бегают, горланят малышами где-то рядом, во дворе. Все четверо: Светланка, Сашка, Мишка, Маша. Такова память матери. А между тем Светлана Михайловна и Мария Михайловна - литераторы, редакторы издательства. Светлана тогда жила в Ленинграде, Мария, младшая дочь Шолоховых, - в Москве, Александр Михайлович - кандидат биологических наук, работал в Никитском ботаническом саду в Ялте, а Михаил Михайлович - философ, тоже кандидат наук в Ростове. У всех семьи, дети...

Мы разговоривали в том самом доме, что стоит на берегу Дона и который знают повсюду - хотя бы по открыткам или фотографиям. Все сохранялось так, как было при нем: строгий кабинет на втором этаже, библиотека, приемная, столовая. Чувствовалось, дом не остыл, хранит привычные тепло и свет.

Послевоенный дом Шолоховых был построен на средства ЦК партии. Но это был не дар, а лишь необходимая помощь. Тогдашний управляющий делами ЦК ВКП(б) Дмитрий Васильевич Крупин при каждой встрече с писателем напоминал ему с грубоватой иронией: - Ну что, казак, когда отдашь деньги? - Должен - не скрою, отдам - не скоро, - весело отвечал Шолохов.

Но шутка шуточной, а к долгу относился серьезно. Переживал, что не может отдать его сразу. В тот день, когда выплатил все, ликовав, сиял радостью, как ребенок.

Писатель и на самом деле был пострадавшим в годы войны. Шолоховы остались тогда без крова. Дом был разорен, погибли богатейшая библиотека, многое из бесценных архивов. Во время бомбежки Вешенской писатель и сам едва не погиб. Мать, Анастасия Даниловна, при первом налете была у соседей, а чуть стихло, побежала к дому, и на глазах сына в какие-то секунды ее не стало.

Начались скитания семьи Шолоховых по дорогам войны. Жили в Николаевске, за Волгой, и в Западном Казахстане, в поселке Дарьинском, и снова на Волге, в Камышине. Мария Петровна одна с четырьмя детьми, а отец, как все чаще называли в семье Михаила Александровича, - на фронте, в окопах, где безопасных мест не бывает. Только по статьям в газетах да из нечестных писем узнавали, что жив.

...Пока строился дом, жили почти все время в Москве. Спрашиваю:

- Не было мысли остаться в столице?

- Нет, не было. Городская жизнь Михаила Александровича утомляла, даже раздражала. В те месяцы, когда Фадеев работал над

Сумрачный Жданов не выдержал, засмеялся и махнул рукой.

...Вновь слышу я Марию Петровну:

- Наверное, вы знаете, что у нас был Василий Макарович Шукшин. Фильм тогда снимали «Они сражались за Родину», и вот приехала к нам съемочная группа. Здесь, в столовой, сидели, беседовали, но говорили другие. А Шукшин больше молчал. Я время от времени взгляну в его сторону, а он все смотрит на Шолохова. Потом он говорил, что Шолохов заразил его своим образом жизни. И, кажется, намеревался уехать на родину, в Сростки.

«Ни у одного писателя я не видела такого презрительного отношения к деньгам», - заметила Евгения Григорьевна Левецкая, друг Шолохова, член КПСС с 1903 года, которой он посвятил рассказ «Судьба человека». Эта оценка дана молодому Шолохову в конце 20-х годов, но, как оказалось, Евгения Григорьевна подметила глубинное качество характера писателя. Его действительно отличало последовательное бескорыстие. Всегда.

Из трех литературных премий - Сталинской (Государственной), Ленинской, Нобелевской - на себя не израсходовано ни копейки: все отдано в фонд обороны, на строительство школы, больницы.

Но что огорчало Михаила Александровича: когда люди стали жить хорошо, в достатке, изменилась интонация писем. Помню, один человек так писал: «Я построил дом, теперь мне нужна машина, пришлите денег, вам это ничего не стоит - вы же миллионер». Шолохов отвечал резко: «Я такой же миллионер, как ты римский папа».

В молодости Михаил Шолохов побывал в таких переплетках, которые могли бы стать сюжетами детективных и приключенческих повествований. Ну, скажем, юного Шолохова допрашивал Нестор Махно. Да, тот самый анархист. Шестнадцатилетний Шолохов «комиссарил» (кстати, он не был тогда ни комсомольцем, ни коммунистом) тогда в продотряде, мотался по донской земле, добывая хлеб для голодных Москвы и Питера. «Шибко я комиссарил», - скажет он позднее о себе с нотой осуждения. «За превышение власти» ревтрибунал приговорил продкомиссара ни много ни мало к расстрелу. Расстрел был заменен двумя «условными годами», что в то время значило лишь одно: живи и действуй.

В двадцать лет он уже достаточно знаменит, автор двух ярких, самобытных книг - «Донские рассказы» и «Лазоревая степь». «Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают», - оценил дебют молодого писателя Александр Серафимович, в то время общепризнанный классик. И далее: «Огромное знание того, о чем пишет. Тонкий, схватывающий глаз... Все данные за то, что Шолохов разворачивается в ценного писателя».

С «Тихим Доном» пришло к Шолохову всеобщее признание. По всей стране. За рубежом Горький воскликнул, прочитав первые книги: «Анафемски талантлива Русь». Но в чистые голоса признания стали врываться и едкая зависть, а то и клевета. В октябре 1929 года Шолохов писал Александру Фадееву:

«А то ведь так, только ты за перо, а нечистый тут как тут: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?»

В результате даже из такого тонко воспитанного человека, как я, можно сделать матерщинника и невежду, а еще меланхолию навесить ему на шею».

Он мог опровергнуть ложь каждой новой страницей, каждой новой, более совершенной главой. О третьей книге «Тихого Дона» Горький писал, что она «значительнее второй, лучше сделана».

Прошу Марию Петровну рассказать о последних годах Михаила Александровича.

- Болен он был тяжело, но держался стойко. Огорчила его книжка «Стреля «Тихого Дона», изданная в Париже. Там был объявлен соавтором «Тихого Дона» Федор Крюков. Огорчало его, что наша печать никак не реагирует на всю эту ложь. А вы думаете, мне легко было? Я каждую строчку переписывала, печатала, переживала. Это все родное, близкое. Мы обрадовались, когда к нам приехал норвежский литературовед Гейр Хетсо. Он опроверг эту версию современными методами, с помощью компьютеров.

...Тогда я еще не знал, что существует еще одно неопровержимое свидетельство авторства Шолохова - две записи в дневнике И.А. Бунина, решившего в годы войны перечитать как раз первую и вторую книги «Тихого Дона», объявленные «крюковскими». Почему неопровержимое? Потому что Бунин знал русскую литературу до последней точки, до последней запятой. Сотни, тысячи имен держал в памяти. Любимый перепев, любил подражание, я не говорю уже о плагиате, вызывали у него резкое, гневное осуждение. Он, как видно по его статьям, заметкам, «дрожа» в тех случаях от негодования. Можно ли предположить, что Бунин не знал Федора Крюкова? Это просто невероятно. Знал, читал. И неужели Бунин с его безупречным вкусом не смог бы услышать в шолоховском тексте не то что заимствования, а хотя бы интонацию «бытописателя» Крюкова, если бы она прозвучала хотя бы одной нотой, одним звуком? Никакого Крюкова, и никого другого не вспоминает Бунин, читая Шолохова. Слова «талант», «талантлив» встречаются у Бунина при оценке творчества писателя, даже названных классиками, очень редко, лишь в исключительных случаях.

А здесь свои записи в дневнике он начинает с признания художественного дарования автора «Тихого Дона»: «Читал я книгу «Тихого Дона» Шолохова. Талантлив...».

Но, как у Есенина, ему не по душе «перехлесты» в стиле, по его мнению, излишняя цветистость: «...нет словечка в простоте. И очень груб реализме».

До смертного часа ненавидевший и отрицавший все кровавое и страшное, что пришло в Россию с революцией, он и при чтении Шолохова не заглушает эти свои чувства: «Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все-таки он хам, плебей. И опять я испытывал возврат ненависти к большевизму».

Как стало известно позже из публикаций Льва Колодного, архивы «Тихого Дона» сохранились. Они в Москве, у одной из родственниц Е.Г. Левецкой.

Шолохов сказал той женщине:

- Храни. Будет трудно - продашь. Но только после моей смерти.

Почему она не сдала рукописи в Государственный литературный архив? Шолохов не хотел, чтобы в черновиках рылись литературоведы при его жизни.

Об архивах знал и М.С. Горбачев. Ему доложили, что хранилища рукописей «Тихого Дона» готова продать их, но только за валюту. У Михаила Сергеевича это вызвало недоумение: как, мол, рукописи русского советского писателя - не эмигранта, не диссидента - покупать за валюту?! Отказал, не согласился, при этом отлично зная, что «антишолоховедние» дискредитируют писателя, искажают его нравственный облик, безусловный творческий подвиг.

Ученый или писатель, удостоенный Нобелевской премии, имеет право ежегодно предлагать своих кандидатов в лауреаты. А кто рекомендовал Шолохова? Может, ЦК? Может, Хрущев или Брежнев? Ничего подобного.

Главным, настоящим агитатором за присвоение Шолохову Нобелевской премии стал французский писатель Жан-Поль Сартр. Премия Сартру была присуждена в 1964 году. Но в одном из интервью газете «Известия» Жан-Поль Сартр сказал, в частности, что он не может получать эту высокую премию, пока не получит ее более достойный писатель - Михаил Шолохов. И так был настойчив и последователен в своем мнении, что уже в следующем, 1965 году, Шолохов стал лауреатом.

Иван ЖУКОВ